

**КАЗАКИ В ВОЙНАХ РОССИИ 1650-Х — 1660-Х ГГ.
(О НОВОЙ КНИГЕ О.А. КУРБАТОВА)**

Н.И. Никитин

Центр истории русского феодализма Института российской истории РАН; Научный центр истории казачества Московского государственного университета технологий и управления им. К.Г. Разумовского, Москва

Аннотация:

Новая книга О.А. Курбатова основана главным образом на архивных материалах, впервые вводимых в научный оборот. Автор поставил задачу прояснить вопрос о структуре казачьих формирований в середине XVII в., о главных тенденциях и путях их эволюции и реорганизации в ходе и по окончании Русско-польской и Русско-шведской войн 1654—1667 гг. Несмотря на некоторую перегруженность текста материалами, слабо связанными с декларируемой целью исследования, и порой допускаемую автором небрежность в терминологии, касающейся социальной структуры Московского государства, он с поставленной задачей справился. В работе показано состояние различных подразделений казачьих войск накануне указанных войн и после них, место служилого казачества в армии России рассматриваемого времени, порядок управления казачьими подразделениями, их внутренняя организация, общие тенденции развития казачьих формирований в 1654—1667 гг. Дан подробный разбор ряда боевых действий, в которых участвовали различные подразделения казаков. Отдельно и подробно исследуется вопрос о пребывании на царской службе в 1654—1667 гг. казачьих подразделений, состоявших из перешедших на русскую сторону представителей различных слоев населения Великого княжества Литовского. В книге отмечается, что в ходе крайне необходимых для русской армии преобразований казаки без труда вливались в созданные по европейским образцам полки «нового строя», и вместе с тем приводится материал, свидетельствующий о гибкости правительственной политики в области военного строительства, допускавшей, в частности, сохранение «старых» подразделений на некоторых территориях. Автор опровергает миф о русской армии XVII в. как безнадежно отсталой в техническом и организационном отношениях, отдает должное выпавшему на ее долю тяжелому ратному труду. Вместе с тем работа О.А. Курбатова еще раз по-

казывает, что структура воинского сословия России того времени была крайне сложна и требует дальнейшего изучения.

Ключевые слова: русско-польская война, русско-шведская война, казачьи подразделения, армейские реформы, войска «нового строя»

Review

COSSACKS IN THE RUSSIAN WARS OF THE 1650S AND 1660S (ABOUT O.A. KURBATOV'S NEW BOOK)

N.I. Nikitin

Center for the History of Russian Feudalism of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences; Scientific Center for the History of the Cossacks of the K.G. Razumovsky Moscow State University of Technologies and Management, Moscow

Abstract:

The new book by O.A. Kurbatov is based mainly on archival materials that are being introduced into scientific circulation for the first time. The author has set the task of clarifying the structure of Cossack formations in the mid-17th century, as well as the main trends and ways of their evolution and reorganization during and after the Russo-Polish and Russo-Swedish wars of 1654—1667. Despite the fact that the text is somewhat overloaded with materials that are loosely related to the declared purpose of the study, and the author's occasional carelessness in using terminology related to the social structure of the Muscovite state, he has successfully completed the task at hand. The work provides an overview of the state of various Cossack units on the eve of and after the wars, the role of the Cossack service in the Russian army during this period, the management of Cossack units, their internal organization, and the general trends in the development of Cossack formations from 1654 to 1667. The article provides a detailed analysis of a number of military operations in which various Cossack units participated, and it also examines in detail the Cossack units that were in the Tsar's service in 1654—1667, consisting of representatives of various social classes from the Grand Duchy of Lithuania who had defected to the Russian side. The book notes that during the reforms that were extremely necessary for the Russian army, the Cossacks easily joined the regiments of the «new system» that were modeled after European standards. At the same time, the book provides evidence of the government's flexible approach to military development, which allowed for the preservation of «old» units in certain territories. The author refutes the myth about the Russian army of the 17th century as hopelessly backward in

technical and organizational terms, and pays tribute to the hard military work that fell to its lot. At the same time, O.A. Kurbatov's work once again demonstrates that the structure of Russia's military class at that time was extremely complex and requires further study.

Keywords: Russian-Polish War, Russian-Swedish War, Cossack units, army reforms, new model army

Курбатов О.А. Казаки служилые и вольные: казачьи подразделения в войнах 1650-х — 1660-х гг. / Науч. ред. А.В. Малов. М.: «Снежный Ком», 2025. 296 с.

Книга известного исследователя военной истории России XVI—XVII вв., глубокого знатока фондов Российского государственного архива древних актов О.А. Курбатова посвящена изучению казачьих формирований русской армии в один из самых сложных, интересных и вместе с тем малоизученных периодов прошлого нашей страны — во времена Русско-польской (1654—1667) и Русско-шведской (1656—1658) войн. Они оказали сильнейшее воздействие на строительство и реорганизацию вооруженных сил России во второй половине XVII в., и поэтому интерес автора к связанным с этими событиями сюжетам вполне естествен и понятен.

В центре внимания О.А. Курбатова так называемое городовое, или служилое казачество, прикрепленное главным образом к пограничным гарнизонам Московского государства. Вольные казаки, обитавшие на берегах Дона и других «казачьих» рек, представлены в исследовании лишь теми отрядами, которые нанимались на службу «великому государю» на время военных действий и, находясь в составе русской армии, сохраняли автономию, т. е., по сути дела, свой вольный статус и соответствующие ему структуры.

Как явствует из аннотации и предисловия к книге, основной целью своей работы О.А. Курбатов поставил введение в научный оборот максимального количества малоизвестного архивного материала, позволяющего составить достаточно полное представление о структуре казачьих формирований в рассматриваемое время, а также о главных тенденциях и путях их эволюции и реорганизации в ходе военного строительства, диктуемого характером и итогами Русско-польской и Русско-шведской войн.

Надо сразу же признать, что с этой задачей автор справился. К такому выводу приходишь, закрыв последние страницы книги, однако до этого при погружении в ее текст проследить и понять ход авторской мысли порой бывает непросто — особенно читателю, не искушен-

ному в знании особенностей социальной структуры русского общества XVI—XVII вв. Восприятию концептуальной основы монографии мешает, с одной стороны, обилие конкретно-исторического материала, хотя интересного и ценного, но не имеющего прямого отношения к решению поставленной автором задачи, а с другой, использование им терминологии, порой безосновательно расходящейся с давно устоявшимися в исторической литературе понятиями, касающимися все той же социальной структуры Московского государства. И если в первом случае можно говорить о недостатках, являющихся продолжением достоинств работы (подробные сведения о ходе боевых действий и прочих вопросах военной истории имеют и самостоятельное значение), то второй недостаток вряд ли можно отнести к этому ряду.

Возражение сразу же вызывает ничем не обоснованный авторский взгляд на городских казаков, стрельцов и другие категории служилых людей XVII в. как на отдельные сословия русского общества (аннотация, с. 3, 4, 218 и др.)²³⁶: он противоречит мнению на этот счет видных отечественных историков, и потому без веских доказательств его принять трудно. Напомню, что с подачи В.О. Ключевского и Н.П. Павлова-Сильванского наиболее распространенной в историографии стала точка зрения, согласно которой городские казаки, стрельцы и прочие представители служилых «по прибору» входили в общее (и до конца XVII в. единое) служилое сословие Московского государства в качестве внутрисословных групп наряду со служилыми «по отчеству», тоже делившимися на ряд «чинов» — от детей боярских и дворян до окольных и бояр. Все они называли себя «холопами великого государя», отличались специфическим самосознанием и по своим правам и обязанностям (главному критерию сословного деления) имели больше сходных черт, чем различий²³⁷.

В последнее время в историографии появилось немало новых подходов к изучению социальной структуры Московского государства, в том числе — ставящих под сомнение само существование сословий в России до XVIII—XIX вв.²³⁸ Но поскольку О.А. Курбатов явно не раз-

²³⁶ В скобках даются ссылки на рецензируемую книгу.

²³⁷ См.: *Ключевский В.О.* История сословий в России. Пг., 1918. С. 168; *Он же.* Сочинения: В 8 т. Т. 6. М., 1959. С. 411—412; *Павлов-Сильванский Н.П.* Сочинения: В 3 т. Т. 1. СПб., 1909. С. 197; *Белявский М.Т.* Классы и сословия феодального общества в России в свете ленинского наследия // Вестник Моск. гос. ун-та. Серия: История. 1970. № 2. С. 68—70; *Демидова Н.Ф.* Приказные люди XVII в. (Социальный состав и источники формирования) // Исторические записки. М., 1972. Т. 90. С. 332; *Она же.* Служилая бюрократия в России и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987. С. 80—82.

²³⁸ См.: *Марасинова Е.Н.* Абсолютизм и дворянское сословие (некоторые

деляет этой точки зрения, мы оставим ее за скобками, признав, однако, что в XVII столетии процесс формирования сословий в России был еще далек от завершения и что служилое сословие было самым сложным по своему составу. Оно объединяло группы, сильно отличавшиеся друг от друга по социальному положению (демонстрируя тем самым подчеркиваемое советскими историками несовпадение классового и сословного деления в феодальном обществе), и, как отмечал В.О. Ключевский, вследствие свойственной той эпохе подвижности социальных перегородок вобрало в себя немало «промежуточных, переходных слоев разнородного социального состава», иные из которых имели значение «канала, посредством которого происходил обмен между городским дворянством и неслужилыми классами»²³⁹.

Короче говоря, структура русского общества XVII в. и так крайне сложна для восприятия массовым читателем, и еще более усложнять представления о ней вычленением новых «сословий» («стрелецкого», «пушкарского», «городовых казаков» и т. д.) вряд ли оправданно. Конечно, терминология в исторической науке во многом вещь условная, далеко не всегда опирающаяся на источники (искусственный характер помимо самого понятия «городовые казаки» носят и другие, прочно укоренившиеся в литературе термины — служилые «по прибору», служилые «по отечеству» и др.), но вырабатывается она прежде всего для того, чтобы исследователям было легче понимать друг друга, так что не стоит затруднять это взаимопонимание, отходя без веских причин от устоявшихся в историографии терминов и понятий.

Справедливости ради отметим, что позитивные моменты в этом отношении в книге тоже имеются. Так, в отличие от исследователей, выделяющих из общей массы служилого казачества городских казаков в качестве особой группы (поскольку-де они несли в основном гарнизонную службу), О.А. Курбатов объединяет термином «городовое казачество» все категории служилых казаков (конных, сторожевых, полковых и пр.), и это правильно, ибо независимо от названий, характера выполняемых поручений и порядка расселения служилые казаки были прикреплены к какому-то конкретному городу, находясь в распоряжении представителей его администрации. Что же касается обилия специфической терминологии для их обозначения, то этому в монографии О.А. Курбатова дано вполне логическое объяснение: «Служилое казаче-

проблемы историографии первой четверти XVIII века) // Связь веков: исследование по источниковедению истории России до 1917 г. Памяти проф. А.А. Преображенского. Сб. ст. М., 2007. С. 279—280; Она же. Власть и личность: Очерки русской истории XVIII века. М., 2008. С. 12—14.

²³⁹ Ключевский В.О. Сочинения: В 8 т. Т. 3. М., 1957. С. 155.

ство в Русском государстве не представляло собой некий единообразный род войск наподобие стрельцов или пушкарей» (с. 8).

Вполне оправданной представляется еще одна, пожалуй, главная из допускаемых в книге условностей: обозначение термином «казаки» практически всего рассматриваемого в ней воинского контингента, хотя, кроме казаков, он состоял из категорий, имеющих и иные названия — «рейтары», «драгуны», «черкасы», «шляхта» и др. Это упрощение, по всей видимости, вызвано не только стремлением автора облегчить освоение текстов его книги посредством использования привычного для массового читателя термина. Имеет значение и то обстоятельство, что судьбы большей части исследуемых О.А. Курбатовым воинских формирований при всех изменениях названий и функций так или иначе с казачеством действительно оказывались связанными, что находило отражение в том числе и в терминологии: в книге упоминаются, например, «казаки конные в рейтарском строе» (с. 51), «днепровские драгуны из казаков», «казаки, поверстанные в солдатскую службу» (с. 210) и т. д. А главное, что позволяет их объединять под одним названием, — статус, определяемый нахождением на низших ступенях чиновной лестницы служилого сословия Московского государства.

Заметим, что такой терминологический прием не является чем-то принципиально новым. Например, сибирские служилые XVII в. в работах историков при обобщениях тоже часто фигурируют как «казаки», хотя за Уралом в то время в состав гарнизонов обычно входили и другие категории ратных людей (стрельцы, пушкари, «литва», «черкасы», «новокрещены»), а под термином «дворянство», кроме собственно дворян (думных, московских, городских), историками порой объединяются дети боярские, жильцы, стольники и другие чины служилых «по отечеству»²⁴⁰. И это тоже допустимо — в той мере, в какой облегчает понимание и отражает эволюцию социального устройства русского общества, а она, как известно, в XVIII—XIX вв. в отношении служилого населения завершилась формированием всего двух сословий — дворянства и казачества...

Разобравшись с терминологией, перейдем к разбору содержания книги. Ее основной текст состоит из пяти разделов, которые предельно насыщены конкретно-историческим материалом, так что могли бы стать хорошей основой для написания отдельных монографий. По старой доброй традиции в качестве приложений в конце книги приводятся тексты нескольких архивных документов, использован-

²⁴⁰ См.: Малов А.В., Никитин Н.И. Российское казачество на заре своей истории (XV—XVII века): Исследования, справочные материалы, источники. М., 2023. С. 261—253.

ных автором в работе и позволяющих острее ощутить аромат изучаемой им эпохи.

В первом разделе монографии показано состояние казачьих формирований накануне войны с Польшей. Отмечается, что по своей численности (свыше 21 тыс.) казаки занимали третье место (после стрельцов и дворянского ополчения) в вооруженных силах Московского государства (с. 12), и подробно рассматривается порядок управления казачьими подразделениями, а также их внутренняя организация, во многом этот порядок определявшая. В итоге вырисовывается картина, в целом уже знакомая нам по работам других исследователей и подтверждающая типичность ситуации, складывавшейся в изучаемых автором регионах: ратные люди одного города, включая казаков, могли находиться в подчинении разных ведомств, что порой затрудняло управление гарнизонами; казачьи формирования («станции») строились на принципах десятичной системы (делились на пятидесятки и десятки) и сохраняли элементы самоуправления (могли сами выбирать командиров — атаманов и есаулов — с их последующим утверждением вышестоящими инстанциями); многие из них имели серьезные проблемы с вооружением и т. д. (с. 19—22).

Однако некоторые утверждения автора требуют как минимум дополнительных обоснований, ибо расходятся с уже введенными в научный оборот данными. Так, О.А. Курбатов полагает, что «десяток имел скорее фискальное, чем тактическое значение: известно, что нередко по десяткам была организована круговая порука служилых людей» (с. 23). С этим трудно согласиться. Фискальные функции десятка могли иметь определяющее значение главным образом в заново создаваемых подразделениях: новоприборным казакам за неимением других поручителей действительно ничего не оставалось как ручаться друг за друга, но позднее при зачислении в состав гарнизона на «убылые места» служилый искал (и находил) поручителей среди не только «односумов», но и самых различных социальных групп²⁴¹. А о значении младшего командного состава в приборной среде можно судить по красноречивым высказываниям представителей воеводской администрации, признававшихся, что «без десятника в десятке быть не уметь»²⁴².

Отдельный параграф первого раздела посвящен незаслуженно забытому историками подразделению — тульскому полку драгунского строя, кадровой основой для которого в свое время послужили днепровские казаки и тульские «черкасы», а итогом реорганизаций стало

²⁴¹ См.: *Никитин Н.И.* «Служилые по прибору» как особая социальная группа Московского государства XVII века // Исторические записки. 2022. Вып. 21. С. 26.

²⁴² *Никитин Н.И.* «Служилые по прибору»... С. 21.

преобразование в элитный полк («шквадрон») рейтарского строя. Такие полки О.А. Курбатов считает зародышами регулярной армии и с привлечением свежего архивного материала показывает, как весьма пестрый по составу и происхождению, далеко не благополучный в плане дисциплины отряд в течение 20 лет непрерывной службы и в ходе обучения «новому строю» превратился в одну из самых боеспособных частей русской армии (с. 26—33).

Во втором разделе автор рассматривает общие тенденции развития казачьих формирований в 1654—1667 гг. на примере тех, которые входили в Новгородский разряд, а также отрядов донских казаков, задействованных на театрах Русско-польской и Русско-шведской войн, и такого интересного явления, как «вольные казаки» Ижорской земли.

Последние, согласно приведенным в книге данным (с. 60—61), были православными жителями территории, находившейся с 1617 г. под шведской оккупацией. После вступления туда русской армии в 1656 г. они стали массово переходить на ее сторону. Эти выходцы из Ижорской земли, видимо, вспомнили период Смуты, когда зона формирования вольного казачества расширилась до центральных районов страны, и тоже назвали себя «вольными казаками». Объединившись в две «станции» со своими атаманами, они приняли деятельное участие в войне со шведами. В книге приведены сведения о численности этих подразделений (в целом — не более 200 чел.), их вооружении, характере службы и дальнейшей судьбе (после завершения войны они были поселены в Новгороде уже на правах городских казаков). Но, к сожалению, не указано, что «вольные казаки» Ижорской земли уже попадали в орбиту внимания исследователей, а именно — безвременно скончавшегося О.Ю. Куца, талантливого и достойного благодарной памяти коллег специалиста по истории казачества²⁴³.

Другие воинские формирования рассматриваются в этом разделе гораздо подробней. Совершив экскурс в период от середины XVI до середины XVII в., связанный с вопросом о происхождении казачьих отрядов в Новгородской земле, автор вновь останавливается на внутренней организации казачьих подразделений, порядке их комплектования и обеспечения, и из приведенного им материала однозначно следует, что большинство городских казаков Новгородского разряда в середине XVII в. служило «по стрелецкому уряду», т. е. по своему положению и функциям практически не отличалось от стрельцов (специфика в устройстве могла наблюдаться в подразделениях, состоявших из недавно принятых на «государеву службу» отрядов вольных казаков,

²⁴³ См.: Куц О.Ю. Донское казачество в период от взятия Азова до выступления С. Разина (1637—1667). СПб., 2009. С. 342—343.

некоторое время сохранявших привычную им организацию). Они вполне успешно справлялись со своими обязанностями и даже имели определенные преимущества перед дворянской конницей, которая зимой разъезжалась по поместьям, в то время как казаки благодаря «кормовому» жалованью могли нести круглогодичную службу вдали от своих селений (с. 39, 42). Но жизнь не стоит на месте — особенно во время войн, — и рано или поздно должен был встать вопрос о реорганизации казачьих подразделений, которая и последовала в 1659—1661 гг.

Две их трети было переведено в полки рейтарского строя и соответствующим образом вооружено и экипировано. В рейтары зачислялись не только городские казаки разных станиц, но и дети боярские разных городов и просто «вольные люди». Неизбежное при таком смешивании снижение качества личного состава, по мнению О.А. Курбатова, должно было нивелироваться «дисциплиной, хорошим снаряжением и эффективной тактикой» (с. 46), что вроде бы подтверждалось мировой практикой (вспомним хрестоматийное сравнение Наполеоном конницы мамлюков с регулярной французской кавалерией), но в русских реалиях проявлялось далеко не всегда. И мы видим, как в сентябре 1663 г. из рейтарской в пешую казачью службу было возвращено 200 чел., к концу 1664 г. это число выросло до 300, а после 1667 г. в вопросах внутренней организации и выплаты жалованья в рейтарских полках Новгородского разряда правительство, по словам О.А. Курбатова, «во многом вернулось к дореформенным порядкам (до 1659 г.) как более продуманным и рациональным с экономической точки зрения, а также отвечающим традициям самих ратных людей — казаков» (с. 52, 54).

В разделе приводится немало ярких примеров эффективности привычных для казаков способов ведения боевых действий, особенно когда речь идет об отрядах вольных казаков, нанимавшихся на царскую службу (с. 41, 59, 60—61), но вместе с тем не обойдены вниманием и присущие этим войскам недостатки, порождаемые, главным образом проблемами с дисциплиной. Казаки после захвата богатой добычи могли самовольно отправиться на Дон, нередко грабили местное население, порой пропивали и проигрывали на «кружечных дворах» жалованье и т. д. (с. 55—56, 58—59). Но нельзя не согласиться с автором в итоговой оценке взаимоотношений московских властей с этим контингентом: «Постоянный характер службы служилых людей “по прибору”, их особый менталитет и боевые навыки — вот что импонировало командованию и заставляло его мириться с обычной для казаков разнузданностью. Можно лишь поражаться той настойчивости и уважению, с какими правительство привлекало на службу, вооружало и всячески опекало ватаги этих смелых и опытных в боевом отношении людей...» (с. 61).

Третий раздел монографии посвящен подробному разбору боевых действий, в которых участвовали различные подразделения городских казаков. Центральное место здесь занимает малоизвестное сражение при деревне Доманы, произошедшее в 1655 г. в связи с осадой польско-литовскими войсками Могилева и в целом плохо закончившееся для русской стороны.

В основу исследования этого эпизода положен соответствующий комплекс документов из фонда Разрядного приказа РГАДА, продемонстрировавший благодаря усилиям О.А. Курбатова большой информационный потенциал. В результате внимательного изучения прежде всего «расспросных речей» участников битвы автору удалось подробно описать ее ход и выяснить ряд важных подробностей сражения, показать состав и особенности тактики противоборствующих сторон.

В том же разделе представлен уникальный материал о городских казаках Украинного разряда, оказавшихся в составе инженерного полка Антония Грановского, участвовавшего во взятии русскими войсками Смоленска и Дубровны. На основе документов Разрядного приказа автор прослеживает боевой путь этой части, ставшей в итоге одной из самых боеспособных в русской армии, несмотря на конфессиональные трудности, возникавшие в армейской среде между русскими служилыми людьми и военными специалистами из «иноземцев». Справедливо отметив большой вклад европейских специалистов в развитие инженерно-артиллерийского дела на Руси (с. 104), О.А. Курбатов высоко оценивает и проект инженерно-артиллерийской части, составленный при содействии принявшего православие француза Антония Грановского (с. 107).

В четвертом разделе монографии рассматривается малоизученный вопрос о пребывании на царской службе в 1654—1667 гг. казачьих подразделений, состоявших из перешедших на русскую сторону представителей различных слоев населения Великого княжества Литовского. Как следует из книги, численность таких служилых была весьма значительной, состав пестрым, а боевые качества довольно высокими.

Историю этих подразделений автор делит на четыре периода — в соответствии с общими тенденциями российской внешней политики 1650—1660-х гг., которые для выехавшей «на государево имя» шляхты могли иметь неожиданный оборот — вплоть до перевода в регионы, далекие от фронтов войны с поляками и шведами, как это произошло с половиной шляхтой, переселенной в 1663 г. в связи с башкирским восстанием на Закамскую черту. Однако большинство выходцев из «Литвы», как следует из книги, конечно же, оставались на западном театре боевых действий и наряду с московскими ратниками участвовали почти во всех военных операциях вплоть до окончания войны.

Нельзя пройти мимо еще одного отмеченного О.А. Курбатовым интересного явления: поскольку у воюющих сторон стало не хватать денег на выплату жалованья ратным людям, на прифронтовой территории возобновилась практика «приставств», широко применявшаяся поляками, а с их подачи и казаками на Руси в Смутное время и предполагавшая вполне легальное получение воинскими подразделениями «на прокорм» определенного количества селений (с. 123).

Важное место в книге занимает описание вооружения, внутреннего устройства, тактики и воинской символики сражающихся на стороне Москвы «шляхтецких» подразделений. Касается автор и проблем, порождаемых особенностями «шляхтецкого» менталитета. Так, при формировании конных отрядов на территории Великого княжества Литовского русские воеводы порой мало считались с родовитостью находившегося в их распоряжении контингента и в одно подразделение вместе со шляхтой могли, к ее неудовольствию, определить «всяких мелких людей» и лиц, которые «преж сего служили панам». Как «бесчестье» шляхта воспринимала и само ее причисление к «казакам», и даже «посылки с казаками и со всякими мелкими людьми в ряд» (с. 128—129). Такой «гонор», однако, не повлиял на боевые качества «шляхтецких» подразделений: при всем недовольстве московскими порядками они оставались одними из лучших частей русской армии, и это убедительно показано в книге.

Интересны (и в чем-то даже актуальны) сравнения автором русской и шведской политики по привлечению на свою сторону жителей Речи Посполитой. По мнению О.А. Курбатова, шведы в основном ориентировались на контакты с верхушкой этого государства, в то время как русские выстраивали четкую, прозрачную и последовательную программу, нацеленную на завоевание симпатий прежде всего широких слоев населения, что и позволило привлечь на службу в свою армию с территории «Литвы» ее «самые разнообразные в религиозном, социальном и военном плане сообщества» (с. 140).

Венчает этот раздел параграф «Справки по отдельным городovým казачьим отрядам Великого княжества Литовского». За этим скромным названием стоит большая и достойная безусловного одобрения и уважения работа автора по выявлению, систематизации и обобщению огромного (в основном архивного) материала, относящегося к истории конкретных подразделений, сформированных выходцами из воюющей с Россией державы. Каждому такому отряду (а их оказалось 12) посвящена отдельная статья. Автор приводит сведения о составе, численности, организации подразделений, об их участии в военных действиях, о жаловании и наградах, дает оценки боевым качествам и т. д. Статьи получились разными по объему, что вполне естественно: у каждого под-

разделения была своя численность, свой боевой путь и, соответственно, остался свой комплекс сохранившихся источников. Самым большим оказался материал полоцкого полка Гаврилы Гославского — на 16,5 страниц текста. Витебские казаки заняли 8 страниц, невеликие и смоленские — по 6, а сведения о борисовских и минских казаках уместились на одной странице. Но в комплексе все эти данные представляют собой добротный аналитический материал, который может быть использован в дальнейшем не только для системного изучения городского казачества, но и для составления справочных изданий типа энциклопедий — «Казачьей», «Военной» и т. п.

Высоко оценивая проведенную автором при написании четвертого раздела работу, нельзя вместе с тем не затронуть одного присутствующего в ней негативного момента, опять, увы, связанного с терминологией. При ознакомлении с книгой у читателя может сложиться впечатление, что в Русско-польской войне 1654—1667 гг. участвовали войска, состоявшие из этнических литовцев, ибо этот этноним и производные от него (литовская конница, литовская шляхта и т. д.) употребляются автором без кавычек (с. 41—42, 118, 120 и др.). И остается неясным, чем О.А. Курбатов в каждом таком случае руководствовался. Если терминами «литва», «литовские люди», «литвины» и т. п. русских источников, то такой подход неправомерен: хорошо известно, что подобным образом на Руси обозначались жители Великого княжества Литовского независимо от этнической принадлежности. Более того, существует вполне обоснованное и широко распространенное мнение, согласно которому эта «литва» (по крайней мере та, что оказывалась в России) в основном состояла из белорусов (иногда называемых еще и «белорусцами») ²⁴⁴, поэтому весьма странно выглядит на страницах книги словосочетание «белорусы и литовцы», особенно когда первые закавычены, а вторые нет (с. 116). Если же автору в самом деле удалось обнаружить в армии Речи Посполитой подразделения, состоявшие из этнических литовцев, то об этом открытии следовало бы заявить прямо...

Последний, пятый раздел монографии самый короткий (12 страниц) и основан уже не на архивных, а на опубликованных источниках и литературе. Он посвящен подразделениям городских казаков, служивших «великому государю» на исходе Русско-польской войны 1654—1667

²⁴⁴ См.: *Лещенко Г.Ф.* Переселения из Белоруссии в Поволжье и Сибирь (конец XVI—XVII в.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Минск, 1983; *Грицкевич В.П.* От Немана к берегам Тихого океана. Минск, 1986. С. 5—11; *Ярков А.* «Литовские ж люди белорусцы» // *Тобольск и вся Сибирь*. Кн. 30. Белорусы в Сибири: В 2 т. Т. 1. Тобольск, 2019. С. 57—87; *Люцидарская А.* Участие белорусов в освоении Сибири в XVII — начале XVIII в. // Там же. С. 116—130.

гг., а отталкивается автор от «Смет военных сил Русского государства» — документа, введенного в научный оборот еще С.Б. Веселовским (в 1911 г.) и опирающегося на данные 1661—1663 гг. Анализируя их и сопоставляя с другими, в том числе более поздними материалами, О.А. Курбатов делает ряд интересных наблюдений. Они касаются различных аспектов военной истории России последней трети XVII в. — перемен в ведомственном подчинении подразделений городских казаков, особенностей их положения в различных регионах и т. д. Мы видим, что где-то казаки переводились в рейтары, драгуны, солдаты, где-то сохраняли прежний статус, перейдя в разряд «ратных людей старых служб», кто-то из них оставался служить на прежнем месте, кто-то был переведен в другие города, причем, как отмечает автор, «единой причины для таких перемещений не было» (с. 214). И здесь был бы вполне уместен вывод о гибкости правительственной политики в области военного строительства.

Он напрашивается и в Заключении, где автор, подводя итоги своего исследования, отмечает, что, в отличие от западного театра военных действий, где явно требовался переход к тактическим структурам европейского типа, на южных и юго-восточных рубежах, где приходилось иметь дело с кочевниками, «казачья и стрелецкая модель военно-организационной структуры и тактики не утратила своей эффективности» (с. 217). Эту мысль можно было бы и усилить: исторический опыт показывает, что для борьбы с отрядами кочевников более других подходили столь же подвижные, как они, универсальные иррегулярные войска, каковыми и являлись казаки. Не случайно за Уралом защиту границы вплоть до XIX в. правительство поручало главным образом им²⁴⁵.

Проследивая же общие тенденции развития казачьих подразделений, О.А. Курбатов приходит к выводу, что «городовые казаки без труда вливались не только в драгунские части», но и «стали исправно нести рейтарскую службу» и что перевод в полки рейтарского строя повышал социальный статус казаков в принципе так же, как верстание в дети боярские, ибо по условиям службы они становились с ними в один ряд (с. 216—217). С этим можно согласиться, но желательно не упускать из вида итоги эволюций служилого сословия на южной окраине страны: в XVIII—XIX вв. большинство детей боярских утратило прежний статус, превратившись в однодворцев, т. е. разнovidность государственных крестьян...

Нельзя не выразить поддержку автору в его стремлении опровергнуть прочно укоренившийся в историографии миф о русской армии XVII в. как безнадежно отсталой в техническом и организационном от-

²⁴⁵ См.: *Никитин Н.И.* История казачества: аспекты научные и политические. М., 2022. С. 434—436.

ношениях, если кого-то и побеждавшей, то лишь благодаря своей многолюдности. Монография развенчивает этот миф, и ее заключительные строки логично вытекают из содержания. Как пишет автор, «изучение отдельных боевых эпизодов и истории воинских подразделений, в том числе казачьих, позволяет вернуть на страницы нашей военной истории имена забытых героев, оживить их подвиги и воздать должное их тяжелому, кровопролитному труду» (с. 219). Книга О.А. Курбатова позволяет это сделать, и вместе с тем она наглядно показывает, насколько сложен был служилый мир допетровской России. Для получения полного и правильного представления о нем потребуется еще немало исследований, подобных этой работе. Пожелаем же и их будущим авторам успехов в достижении поставленных целей.

Список литературы

1. *Белявский М.Т.* Классы и сословия феодального общества в России в свете ленинского наследия // Вестник Моск. гос. ун-та. Серия: История. 1970. № 2. С. 65—79.
2. *Грицкевич В.П.* От Немана к берегам Тихого океана. Минск: «Полымя», 1986. 303 с.
3. *Демидова Н.Ф.* Приказные люди XVII в. (Социальный состав и источники формирования) // Исторические записки. М., 1972. Т. 90. С. 332—354.
4. *Демидова Н.Ф.* Служилая бюрократия в России и ее роль в формировании абсолютизма. М.: «Наука», 1987. 228 с.
5. *Ключевский В.О.* История сословий в России. Пг.: Лит.-изд. отдел Комиссариата народного просвещения, 1918. 276 с.
6. *Ключевский В.О.* Сочинения: В 8 т. Т. 3. М.: Госполитиздат, 1957. 426 с.
7. *Ключевский В.О.* Сочинения: В 8 т. Т. 6. М.: Госполитиздат, 1959. 516 с.
8. *Куц О.Ю.* Донское казачество в период от взятия Азова до выступления С. Разина (1637—1667). СПб.: «Дмитрий Буланин», 2009. 456 с.
9. *Лещенко Г.Ф.* Переселения из Белоруссии в Поволжье и Сибирь (конец XVI — XVII в.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Минск, 1983. 17 с.
10. *Людцдарская А.* Участие белорусов в освоении Сибири в XVII — начале XVIII в. // Тобольск и вся Сибирь. Кн. 30. Белорусы в Сибири: В 2 т. / Сост. Ю.П. Перминов, Р.Ю. Федоров. Тобольск: ТРОБФ «Возрождение Тобольска», 2019. Т. 1. С. 116—130.
11. *Малов А.В., Никитин Н.И.* Российское казачество на заре своей истории (XV—XVII века): Исследования, справочные материалы, источники. М.: «Снежный Ком», 2023. 758 с.

12. *Марасинова Е.Н.* Абсолютизм и дворянское сословие (некоторые проблемы историографии первой четверти XVIII века) // Связь веков: исследование по источниковедению истории России до 1917 г. Памяти проф. А.А. Преображенского. Сб. ст. М.: «РОССПЭН», 2007. С. 277—302.

13. *Марасинова Е.Н.* Власть и личность: Очерки русской истории XVIII века. М.: «Наука», 2008. 460 с.

14. *Никитин Н.И.* История казачества: аспекты научные и политические. М.: «Директ-Медиа», 2022. 488 с.

15. *Никитин Н.И.* «Служилые по прибору» как особая социальная группа Московского государства XVII века // Исторические записки. 2022. Вып. 21. С. 9—48.

16. *Павлов-Сильванский Н.П.* Сочинения. В 3 т. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1909. Т. 1. 336 с.

17. *Ярков А.* «Литовские ж люди белорусцы» // Тобольск и вся Сибирь. Кн. 30. Белорусы в Сибири: В 2 т. / Сост. Ю.П. Перминов, Р.Ю. Федоров. Тобольск: ТРОБФ «Возрождение Тобольска», 2019. Т. 1. С. 57—87.

Сведения об авторе

Никитин Николай Иванович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра истории русского феодализма ИРИ РАН, старший научный сотрудник Научного центра истории казачества МГУТУ им. К.Г. Разумовского (Первый казачий университет).

Information about the author

Nikitin Nikolay Ivanovich, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher at the Center for the History of Russian Feudalism of the IRH RAS, Senior Researcher at the Scientific Center for the History of the Cossacks of the K.G. Razumovsky MSUTM (First Cossack University).

Материал поступил в редакцию 15.08.2025; одобрен после рецензирования 25.08.2025; принят к публикации 02.09.2025.